

Марианна
ДУДАРЕВА

г. Москва

*Встали – небужены,
Вышли – непрошены,
Жита по зернышку
Горы наношены!*

Н.А. Некрасов. **Кому на Руси жить хорошо**

Поиск «инога царства», или Апофатика жизни в поэме Н.А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо»

Кажется, что в заглавии нашей заметки явное противоречие. Поиск «инога царства» связан с смертельным текстом культуры, с явлением «того света». В русском фольклоре, в нашей волшебной сказке известны формулы типа «иду туда, не знаю куда», «ищу то, не знаю что», которые глубоко апофатичны, сопряжены с поиском непостижимого, с запредельным пределом, иначе говоря, с оным миром. Русский Иван-дурак спускается в «иное царство», чтобы добыть волшебный предмет, вещь невесту, сакральные знания. Но для этого герой должен рискнуть своей жизнью, рискнуть совершить, как пишет С.Есенин в трактате «Ключи Марии», посыл в смерть: «Ничто не дается без жертвы. Ни одной тайны не узнаешь без послания в смерть»¹. Однако такой поступок требует и определенной жертвенности, отказа от некоторых материальных благ. Неслучайно ведь неудачливый меньшой брат в русской сказке (он лишен бытовых навыков и мирских благ), на что еще обращал внимание фольклорист Е.М.Мелетинский, получает и чудесного коня, и прекрасную царевну в жены, и сакральные знания: «...глуп с точки зрения его практических эгоистичных здравомыслящих братьев, но обладает какой-то мудростью, которая в конечном счете дает ему преимущество перед братьями»². Таким образом, жизнь и смерть, наше поведение здесь, в дольном мире, и последующее пребывание в горнем тесно связаны, и из этого рождается апофатика жизни неудачливого, по-бытовому несчастливого меньшого брата, заводящая современных исследователей в тупик рациональности. Может быть, поэтому сегодня, в дни празднования двухсотлетия со дня рождения Николая Алексеевича Некрасова, мы снова возвращаемся к мучительному вопросу «Кому на Руси жить хорошо?» из его великой поэмы.

Но что же еще так волнует нашу кровь в этой вещи? Пожалуй, в первую очередь ее незавершенность, но не фабульная, а сюжетная, на что уже обращали внимание исследователи, когда справедливо разводили понятия «фабула» и «сюжет»³. Однако эта незавершенность и апофатичность – корневая для нас в России.

Лев Аннинский, размышляя о литературе, часто подчеркивал, что русская литература поставила больше проклятых вопросов, чем дала ответов на них. Но вопросы эти, выражаясь языком онтологии, носят предельный характер и, как ни парадоксально, не требуют вовсе ответа, или по крайней мере прямого ответа. Современный философ Г.Л.Тулчинский настаивает на глубинном апофатизме русского духовного опыта, русского труда, когда для нашего брата важна жизнь в мире ином, потустороннем: «Содержанию российской смысловой картины мира свойственна апофатическая ориентация не столько на опыт реальной жизни в этом мире, включая конструктивную трудовую деятельность, сколько на опыт переживания сопричастности трансцендентному, выходящему

за рамки повседневности, иногда даже отрицания ее»⁴. И в этом случае при всех больших заслугах некрасоведения эта поэма за редким исключением (культурологическое рассмотрение поэмы В.П.Океанским «Метафизика пьянства Н.А.Некрасова»⁵) прочитывалась в «реальном» ключе: обращались к галерее образов мужиков, к нравам и быту народной жизни, занимались историей создания поэмы, предлагали разные интерпретации возможного ее конца. Но, возможно, стоит обратиться к национальной топике, к особенностям нашего Космо-Психо-Логоса (понятие Г.Д.Гачева) и прочитать поэму с этих позиций. И дело здесь не только в фольклорной традиции, за которой следовал, от которой одновременно отступал автор и к которой также обращались исследователи его творчества, но и в национальных «априори», врожденных Бытием каждому народу.

Россия – космос Апейрона, пишет филолог и культуролог Г.Д.Гачев, анализируя наш национальный образ мира. Космос России безграничен в ее равенности, неслучайно главная модель художественного пространства у нас открытая – степь, где полюбуй-ка отыщи путь-дорогу...

Пролог поэмы Некрасова открывает нам двери в «иное царство»:

*В каком году – рассчитывай,
В какой земле – угадывай,
На столбовой дороженьке
Сошлись семь мужиков...⁶*

Мужики в поворотный час своей жизни сходятся на «столбовой дороженьке», чтобы ответить на вопрос, который заведомо не имеет однозначного прямого ответа. Но важно не то, что они устремлены «в никуда», как русский Иван-дурак, а то, что и сами-то они прибыли на эту дороженьку из мест весьма «сомнительных»:

*Семь временнообязанных,
Подтянутой губернии,
Уезда Терпигорева,
Пустопорожней волости,
Из смежных деревень:
Заплатова, Дырвина,
Разутова, Знобшина.
Горелова, Неелова –
Неурожайка тож,
Сошлись – и заспорили:
Кому живется весело,
Вольготно на Руси?*

Ономастика данного отрывка семантически заряжена: все деревни, из которых прибыли мужики, не-

сут в себе элемент отрицания, они апофатичны. И вот, чтобы наполниться (бытием), преодолеть этот ген пустоты, недостаточности чего-либо (урожай, одежда, кров и тепло), мужики из небытия, меона, должны впрыгнуть в инобытие, чтобы найти правду, которая является сакральным знанием и, как полагается по законам русского фольклора, требует спуска в «иное царство», что и происходит:

*Так шли – куда не ведая,
Когда б им баба встречная,
Корявая Дурандиха,
Не крикнула: «Почтенные!
Куда вы на ночь глядя
Надумали идти?..»
Спросила, засмеялась,
Хлестнула, ведьма, мерина
И укатила вскачь...*

Русского некрасовского мужика «обвиняют» в пьянстве. Но, дискутируя с В.П.Океанским, поставившим вопрос о метафизике, апологии пьянства в поэме, все-таки обратим внимание на два момента. Первый: в лесу мужики, повстречавшись с пташкой малюю, ждут от нее... чуда! Чуда просит русская душа:

*Ой ты, пичуга малая!
Отдай свои нам крылышки,
Все царство облетим,
Посмотрим, поразведем,
Поспросим – и дознаемся:
Кому живется счастливо,
Вольготно на Руси?*

И только потом они просят за спасение птички еду, теплую одежду, липовые лапотки, за что в ответ щедро награждаются скатертью-самобранкой. Второй момент: располагаясь за столом, уготованным чудесной скатертью, мужики не только напиваются и наедаются, но и ведут великий спор, приглашая странников присоединиться к их трапезе. Наполняя себя вином, они как бы вновь и вновь наполняются вопросом «Кому на Руси жить хорошо?».

Художественная ткань поэмы пронизана апофатикой, инобытийностью: мужики сошлись невзначай и идут из окольных деревень путем-дорогою (глава I «Поп»), оглядывая Русь глазами, полными любви:

*А правая сторонюшка
Уже светла и радостна,
Там дождь перестает.
Не дождь, там чудо божие:
Там с золотыми нитками
Развешаны мотки...*

Но русская земля влажная, сырая, отсюда наше выражение «мать-сыра земля»:

*Недаром наши странники
Поругивали мокрую,
Холодную весну.
Весна нужна крестьянину
И ранняя и дружная,
А тут – хоть волком вой!
Не греет землю солнышко.
И облака дождливые,
Как дойные коровушки,
Идут по небесам.*

И поэтому русскому мужику нужен огонь, который он обретает в вине. Г.Д.Гачев тонко подмечает на этот счет: «Россия – «мать-сыра земля», то есть «водо-земля» по составу стихий... очевидно, что по составу стихий ее должны восполнить «воз-дух» и «огонь», аморфность должна быть восполнена формой (предел, границы)...»⁷. Однако чара зелена вина, как мы помним из наших былин, исторических песен и баллад, приносит не только хмель, но и знание, прозрение (былина про Михайло Потыка); чара в сакральном смысле уподобляется куполу неба. Такой же культ ритуального напитка мы обнаруживаем у персов и гебров (известен культ хаомы/сомы⁸). И тогда стоит задуматься над тем, как читать поэму Некрасова, которая ведет окольными путями-дорогами в никуда. Перед нами поэма-перевертыш в стиле Рабле, который показал через феномен обжорства в «Гаргантюа и Пантагрюэле» перевернутый мир народной культуры, где хаос космизируется, то есть упорядочивается и превращается в космос: положительное изображается с обратным знаком – таковы законы народного театра, площадного искусства и в целом фольклора. Вспомним нашу народную драму. В одном из вариантов драмы «Царь Максимилиан» можно встретить следующие скрытые оксюмороны (описывается внешность невесты):

*Я не желаю этой невесты взять.
У ней нос, как луковица,
Глаза, как пуговица⁹. [17, с. 85]*

Черта этой драмы – смешение комического с трагическим, что характерно и для поэмы Некрасова, где мужики смеются над самими собой. В главе II «Сельская ярмонка» мужик чинит колесо, ломая топор:

*Пьяненок! Ось сломалася,
А стал ее удельывать –
Топор сломал! Раздумался
Мужик над топором,
Бранит его, корит его...*

В главе III «Пьяная ночь» парень тихонький хоронит свою поддевку:

*«Что делаешь ты тут?»
– А хороню я матушку! –
«Дурак! какая матушка!
Гляди: поддевку новую
Ты в землю закопал!»*

Русский мужик любит балагурить, любит потешаться над собой, любит посещать народный театр:

*Комедию с Петрушкою,
С козю с барабанщицей
И не с простой шарманкою,
А с настоящей музыкой
Смотрели тут они.
Комедия не мудрая,
Однако и не глупая...*

Таков и характер, и поступки нашего меньшого брата – они не мудры, не глупы, они до всякой рациональности, они апофатичны, и в этом видится потенциальный выход из небытия (неурожая, бесхлебицы, нужды) в инобытие, по крайней мере, для начала – в инобытие. И для русского человека важнее всех мирских благ умереть на малой родине: «Мне на родине, // Как всякому крестьянину, // Хотелось умереть...» Но в то же время смерти для русского мужика нет. Почти нет (смерть не как конечная, как переход). В «Солдатской песне» рефреном звучит «смерти нет»:

*Тошен свет,
Хлеба нет,
Крова нет,
Смерти нет.*

А что есть? Слово есть, к которому тянется русская душа, проживает и изживает самое себя в Логосе, свои боли в песне, без которой ни одно дело не делается: крестьяне любят пуще водки только песни («Соленая», «Солдатская», «Русь», даже целая глава называется «Песни»). Случайно ли, что неоконченная, как бы неоконтуренная, поэма завершается песней «Русь»? В ней и ответ про нас самих, ответ, быть может, и умирающему Некрасову, много размышлявшему о финале (поэт «уже в середине 70-х годов почти никогда не отвечал на вопросы о финале поэмы, а сам в ответ интересовался у других»¹⁰):

*Русь не шелохнется,
Русь – как убитая!
А загорелась в ней
Искра сокрытая, –
Встали – небужены,
Вышли – непрошены,
Жита по зернышку
Горы nanoшены!*

Не просят, а косят, не будят, не помогают, а идут в поле и трудятся. Зачем?! Этот вопрос вне-рационален. Русский труд апофатичен и экста-тичен, он не для самих себя, он для матери сырой земли, которой и русский мужик, и господин отда-ют дань. Возвращаюсь снова к мыслям культу-ролога Гачева о космологии России: «...русский человек свыкся трудиться не столько движимый своей охотой к зажиточности (он привык доволь-ствоваться малым, как и свойственно мудрому: Сократу, Декарту и Ивану-дураку), но исполняя наряд организующей воли Державы»¹¹. И в этом широта русского человека, его свобода: вольгот-но – широтно, широко, но широтой, этим простором, Апейроном, можно овладеть через тяжелый труд. И только в духе апофатики русской жизни, ее непостижимости, в духе народного театра, построенного по законам инвертированной, то есть перевернутой действительности, можно по-нять эту великую поэму, перефразировать ее за-главный вопрос: «А живет ли плохо на Руси?» И автору Русь отвечает...

Примечания

- ¹ Есенин С. А. Ключи Марии // Полн. собр. соч.: в 7 т. М.: Наука; Голос, 1997. Т. 5. С. 190.
- ² Мелетинский Е. М. Герой волшебной сказки. М.; СПб.: Академия исследований культуры. Тра-диция, 2005. С. 188.
- ³ Саженина Е. В. Динамические аспекты сюжета в поэме Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хоро-шо»: дисс. канд. филол. наук. Новосибирск, 2014. С. 84-86.
- ⁴ Тульчинский Г. Л. Уроки А. Платонова в осмысле-нии рационализации социальной жизни // Насле-дие. 2020. № 1 (16). С. 42.
- ⁵ Океанский В. П. Человек и тотальность: поэтика пространства и ее кризис. Иваново: ШГПУ, 2010. С. 256-266.
- ⁶ Некрасов Н. Кому на Руси жить хорошо // Полн. собр. соч. и писем: в 15 т. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1982. Т. 5. С. 5. [Далее текст поэмы цитируется по указанному изданию.]
- ⁷ Гачев Г. Д. Ментальности народов мира. М.: Ал-горитм; Эксмо, 2008. С. 206.
- ⁸ Топоров В. Н. Хаома // Мифы народов мира: Энциклопедия: в 2 т. М.: Сов. энциклопедия, 1982. Т. 2. С. 578-579.
- ⁹ Савушкина Н. И. Народная драма «Царь Макси-милиан» // Русский народный театр. М.: Наука, 1976. С. 85.
- ¹⁰ Саженина Е. В. Указ. соч. С. 79.
- ¹¹ Гачев Г. Д. Указ. соч. С. 209.

□

Марианна Андреевна ДУДАРЕВА –

литературовед, фольклорист,

доктор культурологии, кандидат филологических наук.

Член МГО Союза писателей России и СПР.

Доцент кафедры русского языка №2 Института русского языка

Российского университета дружбы народов;

является заведующей отделом литературоведения и межкультурной коммуникации журнала «Невечерний свет» (Санкт-Петербург).

Лауреат премии имени В. Лакшина от журнала «Юность» (2017), премии VIII Международного конкурса «Мыслящий тростник» (2020),

Всероссийской литературной премии им. Б. Корнилова (2021).

